

Анна Чепурнова

**В ЭТОЙ РУБРИКЕ
МЫ РАССКАЗЫВАЕМ
О ЗНАКОВЫХ ИМЕНАХ,
ИНТЕРЕСНЫХ СОБЫТИЯХ
И ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТАХ,
КОТОРЫЕ УПОМИНАЮТСЯ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА.
ИНФОРМАЦИЯ АДРЕСОВАНА
ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ
ИНОСТРАННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ,
ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ
РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ
И КУЛЬТУРОЙ.**

Ольга Книппер-Чехова

«Загололвок», стр. XX

Был период, когда в Художественном театре шло соперничество между двумя примами – Марией Андреевой и Ольгой Книппер (1868–1959). Одной из них покровительствовал Савва Морозов, другой – Владимир Немирович-Данченко. Все точки над «i» в споре актрис расставил Станиславский, написавший Немировичу-Данченко: «Андреева – актриса полезная, а Книппер – до зарезу необходимая».

«Она не думала о производимом ею впечатлении, не смотрелась в зеркало чужих мнений. Всегда была такой, какой есть, и другой быть не могла. Она могла только быть, и не могла, не хотела казаться», – писал в своих мемуарах сын актёра Художественного театра Василия Качалова Вадим Шверубович. Эти качества можно было бы назвать странными для актрисы, если бы речь не шла о Художественном театре. Для его служительниц подобная цельность характера была на вес золота.

Люди, общавшиеся с Книппер, говорили, что она отличалась отменным воспитанием и врождённым тактом, а также душевной чуткостью и тонкостью. Однако случались в жизни Ольги Леонардовны и лихие минуты, когда она могла станцевать на крышке рояля или вылить ликер на пышную шевелюру важного, но глупого мужчины. Наверное, без этих прояв-

лений она не была бы актрисой. Фотографии свидетельствуют, что Ольга Книппер не блистала красотой. Однако, по отзывам современников, в ней было неотразимое обаяние, которое сражало наповал и зрителей, и знакомых актрисы.

«Голос, благородство, задушевность... так хорошо, что даже в горле чешется...» – писал Чехов о том впечатлении, которое на него произвела Книппер в роли царицы Ирины в спектакле МХТ «Царь Фёдор Иоаннович». Через три года после этой записи писатель и актриса обвенчались. Успех к Чехову как к драматургу пришёл благодаря Художественному театру и, в частности, Ольге Книппер, игравшей главные роли в постановках по его пьесам.

Увы, их любовный роман до и даже после заключения брака протекал в основном в письмах. Ведь Ольга Леонардовна «до зарезу» нужна была Художественному театру, поэтому не могла надолго отлучаться из Москвы. А больному туберкулезом Чехову на пользу шёл морской воздух Ялты. Кроме того, идеалом писателя была «женщина-луна», которая, по его собственному выражению, «появлялась бы на его небосклоне не каждый день». Вопреки мнению коллег и родственников писателя, обвинявших Книппер в том, что она бросила супруга, разлуку с женой Чехов переносил легче, чем она. А Ольга терзалась, что не может быть рядом с ним.

Антон Чехов и Ольга Книппер-Чехова

Мстислав Добужинский

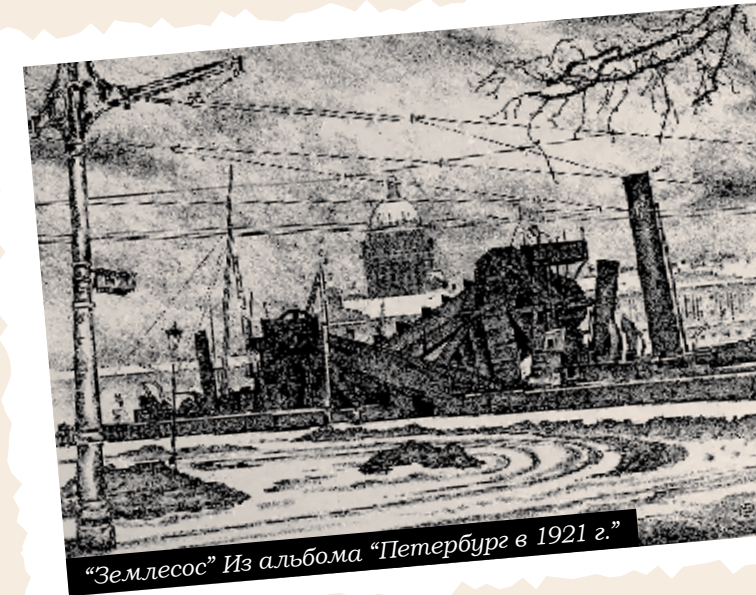
«Загололвок», стр. XX

Известный художник Мстислав Добужинский (1875–1957) оставил свой след не только в изобразительном искусстве, но и в литературе. Так, например, именно благодаря ему в книге Корнея Чуковского появился «злой разбойник Бармалей». Как-то раз писатель и художник вместе гуляли по Петроградской стороне. Выйдя на Бармалею улицу, они начали гадать, почему её так назвали. Чуковский предположил, что когда-то здесь жил лекарь или парфюмер по фамилии Бромлей. А Добужинский воскликнул: «Я знаю, кто был Бармалей! Он был страшный разбойник». И нарисовал пирата на листке своего этюдника.

Одно время Мстислав Добужинский был учителем рисования у юного Владимира Набокова. В романе «Другие берега» писатель признавался: «... знаменитый Добужинский, который учил меня находить соотношения между тонкими ветвями голого дерева, извлекая из этих соотношений важный, драгоценный узор, и который не только вспоминался мне в зрелые годы с благодарностью, когда приходилось детально рисовать, окунувшись в микроскоп, какую-нибудь ещё никем не виданную структуру в органах бабочки, – но внушил мне кое-какие правила равновесия и взаимной гармонии, быть может, пригодившиеся мне и в литературном моём сочинительстве».

В эмиграции Добужинский помог своему бывшему воспитаннику переехать из Парижа в США. Сам художник прибыл в Америку в 1939 году для работы в театре с Михаилом Чеховым, осуществлявшим постановку под названием «Одержимые» (по «Бесам» Достоевского). К сожалению, спектакль был принят очень плохо. Позднее композитор Сергей Рахманинов, ходатайствуя за художника, писал директору театра «Метрополитен-опера»: «Между прочим, в чеховской постановке «Одержимые», которая идет на Бродвее, единственное, что имело выдающийся успех и у критики, и у зрителей, это декорация мистера Добужинского».

Надо сказать, что к 1939 году у Мстислава Валериановича художника уже был богатый опыт работы в театре. Он оформил три спектакля для Художественного театра, работал над постановками БДТ

«Землесос» Из альбома «Петербург в 1921 г.»

«Памятник Петру» Из альбома «Петербург в 1921 г.»

«Париж 1914 г.»

Автошарж

Anna Chepurnova

**В ЭТОЙ РУБРИКЕ
МЫ РАССКАЗЫВАЕМ
О ЗНАКОВЫХ ИМЕНАХ,
ИНТЕРЕСНЫХ СОБЫТИЯХ
И ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТАХ,
КОТОРЫЕ УПОМИНАЮТСЯ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА.
ИНФОРМАЦИЯ АДРЕСОВАНА
ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ
ИНОСТРАННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ,
ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ
РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ
И КУЛЬТУРОЙ.**

Olga Knipper-Chekhova

«Заголовок», стр. XX

There was a time, when the Art Theatre saw a rivalry between two lead actresses – Maria Andreyeva and Olga Knipper (1868–1959). One of them was patronized by Savva Morozov, the other – by Vladimir Nemirovich-Danchenko. It was Stanislavski, who put an end to the actresses' quarrel, when he wrote the following to Nemirovich-Danchenko: "Andreyeva is a useful actress, while Knipper is a desperately vital one."

"She never thought about the impression she was making, never looked into the mirror of other people's opinions. She was always who she was, and she couldn't be anyone else. She could only ever be, and she couldn't, didn't want to appear," wrote Vadim Shverubovich, son of the Art Theatre's actor Vasily Kachalov, in his memoirs. These qualities could be deemed strange for an actress to have, unless you were speaking about the Art Theatre. This integrity of character was worth its weight in gold for those, who worked there.

People, who had contact with Knipper, noted her exceptional upbringing and innate sense of tact, as well as her emotional responsiveness and finesse. There were, however, also moments of daringness in Olga Leonardovna's life, when she could dance on top of a baby grand piano or pour liqueur on top of some important but

Anton Chekhov and Olga Knipper-Chekhova

foolish man's thick mane of hair. She probably wouldn't have been an actress without such displays.

Judging from her photographs, Olga Knipper was by no means a beautiful woman. However, according to her contemporaries, she had irresistible charm that dazzled both her audiences and her friends.

"Her voice, her nobleness, her sincerity... it feels so good that there's even a tickle in your throat..." - this is what Chekhov wrote about the impression Knipper made on him in her role as Tsaritsa Irina in the MAT's production of "Tsar Fyodor Ioannovich". The writer and the actress wed three years after he wrote that line. Chekhov's success as a playwright came to him thanks to the Art Theatre and, specifically, to Olga Knipper, who performed lead roles in productions based on his plays.

Alas, their love affair progressed mainly through letters both prior to and even after they became married. Olga Leonardovna, after all, was "desperately" needed in the Art Theatre and, therefore, could not leave Moscow for long periods of time. And Chekhov, who was suffering from tuberculosis, benefited from Yalta's sea air. Moreover, the author's ideal was a "moon woman", who, according to his own words, "would not appear every day in his sky". Despite the opinion of the writer's colleagues and relatives, who accused Knipper of abandoning her husband, Chekhov handled being away from his wife much better than she did. While Olga stressed out over not being able to be near him.

They wrote over eight hundred letters to each other. Their marriage lasted only three years, and then Anton Pavlovich died. Knipper-Chekhova survived her husband by 55 years. She had her love interests, but she never married again. She admitted, "I cannot imagine anyone in Anton's place..."

«Дроздовец», 1919 г.

Евгений Лансере

«Заголовок», стр. XX

«**С**емья Лансере – Бенуа всегда напоминает мне загадочное Средневековье, когда художники-мастера передавали из поколения в поколение тайны своего «весёлого ремесла», – замечал писатель Георгий Чулков. Можно сказать, что профессия Евгения Лансере (1875–1946) была предопределена с самого рождения. Его отец Евгений Александрович был знаменитым скульптором, дед со стороны матери Николай Бенуа – главным архитектором Петергофа, дядя Александр Бенуа – художником, основателем и главным идеологом объединения «Мир искусства».

Именно «дядя Шура» оказал на Евгения сильное влияние. Некоторое время они жили в одной квартире, и Александр Бенуа писал: «Я особенно доволен тем, что под одной крышей со мной теперь оказался мой любимый племянник Женя, или Женяка Лансере, очень рано начавший обнаруживать необычайное художественное дарование. Беседы с этим очарова-

тельным, нежным и в то же время исполненным внутренним горением отроком постепенно стали превращаться для меня из мимолетных развлечений в какую-то необходимость».

На самом деле между дядей и племянником была не такая уж и большая разница в возрасте – всего-то пять лет. Но если Бенуа возмужал довольно рано, то Лансере в юности был несколько инфантилен – что, впрочем, совсем не удивительно для молодого человека из хорошей семьи, окружённого знаменитыми старшими родственниками, к тому же с годами эторошло. До революции Евгений Лансере выполнил больше десятка крупных монументальных работ в разных городах России. В годы Первой мировой войны он служил военным корреспондентом на Кавказе. А в 1919 году работал как художник в освещительном агитационном бюро Добровольческой армии Деникина, одного из лидеров Белого движения.

Но что самое поразительное, когда после революции почти все его коллеги по объединению «Мир искусства» и ближайшие родственники (в том числе младшая сестра Зинаида Серебрякова и Александр Бенуа) уехали из России,

З. Серебрякова, «Портрет Евгения Лансере в папахе», 1915 г.

Portrait of A.K. Benoit, 1915

Mstislav Dobuzhinsky

«Заголовок», стр. XX

Famous artist Mstislav Dobuzhinsky (1875–1957) left his mark not only in the fine arts but also in literature. Thus, for instance, it was thanks to him that “the evil robber Barmaley” appeared in Kornei Chukovsky’s book. Once the writer and the artists were walking along the Petrogradskaya Side together. They came out onto Barmaleyev Street and tried to guess why it was named like that. Chukovsky suggested that a doctor or a perfumer with the last name of Bromley lived here once. And Dobuzhinsky exclaimed, “I know who Barmaley was! He was a terrible robber.” And he drew a pirate inside his sketch-book.

At one point Mstislav Dobuzhinsky was an art teacher for young Vladimir Nabokov. In his novel “Other Shores” the writer acknowledged, “...the famous Dobuzhinsky, who taught me to see connections between the thin branches of a bare tree, bringing forth from those connections an important, valuable pattern, and whom I not only remembered gratefully in my mature years, when I found myself engrossed in the microscope, having to draw a detailed picture of some previously unseen structure inside the organs of a butterfly, but who also instilled in me certain rules of balance and mutual harmony that proved, perhaps, useful to me in my literary writing as well.”

When Nabokov emigrated, Dobuzhinsky helped his former student move from Paris to the U.S. The artist himself came to America in 1939, to work in theatre with Michael Chekhov, who was staging a production of “The Possessed” (based on Dostoevsky’s “Demons”). The production, unfortunately, had a very poor reception. Later, composer Sergei Rachmaninoff wrote to the director of the Metropolitan Opera Theatre, interceding on behalf of the artist, “Incidentally, the only thing in Chekhov’s Broadway production of “The Possessed” that had exceptional success with both the critics and the audiences was the set design by Mr. Dobuzhinsky.”

Admittedly, by 1939, Mstislav Valerianovich the artist already had ample experience working in theatre. He designed three productions for the Art Theatre, worked on productions at the Bolshoi Drama Theatre during the first years of its existence, created sketches for set designs and costumes in Riga, Kaunas, Paris, London...

Petrograd, 1920

Portrait of daughter, 1914

Cossack and his horse, 1910

Evgeny Lansere

«Заголовок», стр. XX

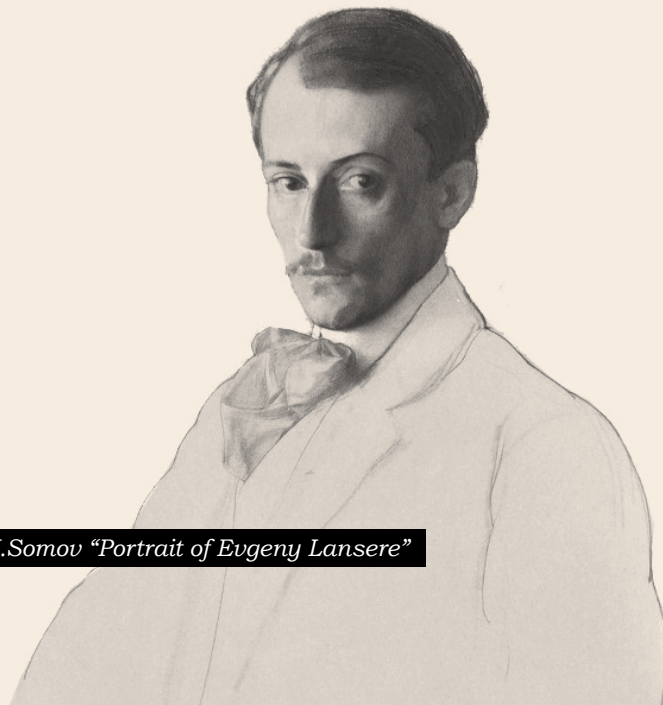
“**T**he Lansere – Benois family always reminds me of the mysterious Middle Ages, when skillful artists handed down the secrets of their “merry craft” from generation to generation,” noted writer Georgy Chulkov. Admittedly, Evgeny Lansere’s (1875–1946) profession was predetermined from his very birth. His father, Evgeny Aleksandrovich, was a famous sculptor, his maternal grandfather Nicholas Benois was the chief architect of Peterhof, his uncle Alexander Benois – an artist, founder and principal ideologist of the Mir Iskusstva association.

It was “uncle Shura*”, in fact, who had a strong influence on Evgeny. They lived in the same apartment for a time, and Alexander Benois wrote, “I am especially delighted to have my favorite nephew Zhenya, or Zhenyaka Lansere, living under the same roof with me now. He began exhibiting exceptional artistic gift from a very early age. Conversations with this charming, gentle youth, who is, at the same time, also full of internal fire, gradually went from being nothing more than fleeting entertainment to becoming a sort of necessity.”

In fact, the age difference between the uncle and the nephew wasn’t all that big – only

five years. But if Benois grew up rather early, Lansere was somewhat infantile in his youth, which is, admittedly, not at all surprising for a young man from a good family, who was surrounded by famous older relatives. Besides, his immaturity disappeared with age. Prior to the Revolution, Evgeny Lansere did over ten major monumental works in various Russian cities. During World War I, he served as a war correspondent in the Caucasus. And in 1919, he worked as an artist at the information and propaganda office of the Volunteer Army of Denikin, one of the leaders of the White movement.

Yet what is most surprising is the fact that, when virtually all of his colleagues from the Mir Iskusstva association and his closest relatives (including his younger sister Zinaida Serebriakova and Alexander Benois) left Russia after the Revolution, Lansere found courage to stay. This was, of course, an extremely lucky turn of events for the country, where the artist was able to do a great many things, for he worked very hard up until his death in 1946. In the 1930s, he taught at the Academy of Arts in Leningrad; his students loved him and called him “a friend of the young”. It was at about the same time that Lansere completed the murals for the halls of the Kazansky railway station and designed the plafond for one of the rooms of the restaurant inside the Moskva Hotel. The Komsomolskaya (radial) subway station, which was opened in 1935, is adorned with a panel picture by Evgeny Lansere, dedicated to the subway’s young builders. They even had the builders’ overalls brought to the artist’s workshop to make the drawing more realistic...

K. Somov "Portrait of Evgeny Lansere"

Они написали друг другу около восьмисот писем. Их брак продлился только три года, потом Антон Павлович умер. Книппер-Чехова пережила мужа на 55 лет. У неё были увлечения, но в брак она больше не вступала, признавалась: «Я никого не могу представить себе на месте Антона...»

Лансере нашёл в себе мужество остаться. Это, конечно, было большим счастьем для страны, в которой художник успел ещё многое сделать, ведь до самой своей смерти в 1946 году он очень интенсивно работал. В 30-х годах XX века он преподавал в Академии художеств в Ленинграде, студенты любили его и называли «другом молодёжи». Примерно в это же время Лансере выполнил росписи залов Казанского вокзала и оформил плафон одного из залов ресторана в гостинице «Москва». Станцию метро «Комсомольская» (радиальная), которая была открыта в 1935 году, украшает панно Евгения Лансере, посвящённое молодым строителям метрополитена. Чтобы эскиз получился реалистичнее, художнику в мастерскую даже привозили строительные роботы...

Однако новая жизнь не настолько захватила Лансере, чтобы он забыл о прелестях житея дореволюционного. В 1938 году, оформляя постановку Малого театра «Горе от ума», художник создал на вращающейся сцене такие красивые интерьеры старинного особняка, что знаменитая актриса Вера Пашенная на обсуждении спектакля мечтательно воскликнула: «Мне хочется пожить ещё в фамусовском доме!..»

During the course of his life, Dobuzhinsky designed about thirty productions altogether. The artist talked about working in theatre, which was something he loved to do (even though he wrote once in one of his letters, “theatre is an awfully rude story”), in an interview with a Svoboda Radio correspondent two days before his death. Mstislav Dobuzhinsky died in 1957, in his own home, located fifty kilometers outside of New York. The artist was 82 years old.

в первые годы его существования, создавал эскизы декораций и костюмов для спектаклей в Риге, Каунасе, Париже, Лондоне...

Всего в своей жизни Добужинский оформил около тридцати спектаклей. О работе в театре, которую он очень любил (хотя и написал как-то в одном из писем: «театр – страшно грубая история»), художник рассказывал в интервью корреспонденту радио «Свобода» за два дня до своей смерти. Мстислав Добужинский скончался в 1957 году в собственном доме, расположенном в пятидесяти километрах от Нью-Йорка. Художнику было 82 года.